

— Скажи, Октавия, почему нам так не везет? — обратилась к сестре миссис Друзилла Райт и со вздохом добавила: — Похоже, счастливые времена никогда не наступят. Нам нужна новая крыша.

Мисс Октавия Херлингфорд уронила руки на колени, сокрушенно покачала головой и вздохнула:

— О господи! Ты уверена?

— Так сказал Денис.

Поскольку их племянник Денис Херлингфорд, владелец местной скобяной лавки, занимался также слесарными и водопроводными работами, и дело его процветало, в подобных вопросах он считался непререкаемым авторитетом.

— Во что нам обойдется новая крыша? Нужно менять всю кровлю целиком? Нельзя ли просто заменить те листы, что прохудились?

— Денис говорит, там не осталось ни одного листа железа, который можно было бы сохранить, так что, боюсь, на ремонт уйдет около пятидесяти фунтов.

Наступило угрюмое молчание. Сидя рядом на диване, набитом конским волосом, лучшие дни которого остались в таком далеком прошлом, что никто их уже не помнил, сестры ломали головы, как быть, где найти средства на ремонт. Миссис Друзилла Райт вышивала мережкой полотняную салфетку; и крошечные, безупречно ровные стежки складывались по краю в ажурный узор. Мисс Октавия Херлингфорд вязала крючком, и ее искусная работа не уступала в изяществе вышивке сестры.

— Мы можем взять те пятьдесят фунтов, что положил в банк отец, когда я родилась, — предложила третья женщина, по имени Мисси, которая чувствовала себя виноватой, оттого что не сумела скопить ни пенни из денег, которые удавалось выручить от продажи яиц и масла, и ей хотелось хоть как-то загладить вину.

Она тоже занималась рукоделием: сидя на низеньком табурете, плела кружево из клубка некрашеной пряжи. Игла в ее руке так и мелькала, ловкие пальцы привычно двигались сами собой, поскольку работу знали так хорошо, что внимания не требовалось.

— Спасибо, но нет, — отозвалась Друзилла.

Эти слова положили конец короткому разговору, который состоялся за два часа занятий рукоделием в пятницу днем, поскольку вскоре часы пробили четыре пополудни. Воздух еще дрожал от звона часов, когда все три дамы

с автоматизмом, воспитанным давней привычкой, прервали работу. Рукоделие они сложили в три одинаковых серых фланелевых мешочка на шнурке, затем каждая убрала свой в облезлый буфет красного дерева, притулившийся в простенке между окнами. Заведенный раз и навсегда порядок никогда не нарушался. Ровно в четыре двухчасовые занятия рукоделием в малой гостиной неизменно заканчивались, и следующие два часа дамы посвящали работе другого рода. Друзилла садилась за фисгармонию, свое единственное сокровище и отраду, а Октавия и Мисси шли на кухню, чтобы приготовить ужин и закончить дела во дворе и в саду.

Когда они столпились в дверях, словно три курицы, что никак не могут решить, кого пропустить первой к кормушке с зерном, стало особенно заметно, что Друзилла и Октавия сестры. Обе очень высокие, с удлинненными, малокровенно-бледными костистыми лицами, но если Друзилла была дамой крупной и сбитой, то Октавия из-за застарелой болезни костей сгорбилась, пригнулась к земле. Мисси тоже считалась довольно высокой — пять футов семь дюймов, — однако была на три дюйма ниже тети и заметно уступала матери, чей рост составлял целых шесть футов. Впрочем, этим сходство исчерпывалось, в остальном Мисси несколько не походила на Друзиллу и Октавию. Обе сестры были

светловолосые, полные, пышногрудые, с крупными чертами лица, а Мисси — темноволосой, худой, как мальчишка, плоской, с мелкими чертами лица.

Просторная, скудно обставленная кухня примыкала к полутемному холлу, дощатые стены которого, выкрашенные унылой бурой краской, вносили свою лепту в общую мрачную атмосферу дома.

— Почисти картошку, прежде чем пойдешь собирать фасоль, Мисси, — велела Октавия, повязывая широкий коричневый фартук, чтобы уберечь свое коричневое платье от соприкосновения со стряпней.

Пока племянница чистила три картофелины к ужину, тетушка поворошила тлеющие угли в топке большой чугунной кухонной плиты, что ступенью выступала вперед и тянулась во всю ширину стенной ниши, занимаемой печью. Октавия подложила в топку дров, приоткрыла печную заслонку, чтобы усилить тягу, и, поставив кипятить чугун с водой, отправилась в кладовую за овсяной крупой для утренней каши.

— Вот досада! — раздался мгновение спустя ее голос, и появилась его обладательница с коричневым бумажным пакетом в руках, из нижних уголков которого тонкими ручейками сыпалась на пол овсянка, похожая на пышные снежные хлопья. — Ты только погляди! У нас завелись мыши!

— Не беспокойтесь, я поставлю вечером мышеловки, — равнодушно отозвалась Мисси, положила картофелины в кастрюльку с водой и добавила щепотку соли.

— От мышеловок завтрак на столе не появится, так что тебе придется спросить разрешения у матери сбегать в лавку дядюшки Максвелла и купить овсянки.

— А мы не можем хоть раз обойтись без нее? — Мисси терпеть не могла овсянку.

— Зимой? — Октавия изумленно воззрилась на племянницу, словно та сошла с ума. — Большая тарелка овсяной каши на завтрак — это сытно и недорого, девочка моя, весь день не захочешь есть. А теперь поторопись, ради всего святого!

В холле по другую сторону кухонной двери оглушительно стонала фисгармония. Друзилла играла чудовищно, но поскольку все вокруг ее хвалили, считала себя хорошей музыкантшей и неустанно, каждый будний день с четырех до шести, упражнялась. В этом, безусловно, было здоровое зерно, поскольку по воскресеньям она терзала слух обширной общины англиканской церкви Байрона, состоявшей сплошь из Херлингфордов, скверной игрой на органе. По счастью, среди прихожан не было наделенных музыкальным слухом, поэтому они свято верили, что церковные службы проходят превосходно.

Мисси бесшумно прокралась в парадную гостиную, предназначенную для торжественных случаев, где стояла фисгармония и где ее матушка с яростью рыцаря, что несется на противника, громыхая броней, с копьём наперевес, атаковала Баха: спина прямая, глаза закрыты, голова запрокинута, губы мелко подрагивают.

— Мама? — чуть слышно прошептала Мисси.

Ее слабый голос в потоке надсадных звуков фисгармонии походил на тончайшее волоконец в соперничестве с буксирным канатом, однако и тихого шепота оказалось довольно. Друзилла открыла глаза и повернула голову, без гнева, скорее с усталой покорностью судьбе.

— Ну что?

— Простите, что прерываю вас, но нам нужно купить овсянки, пока дядюшка Максуэлл не закрыл свою лавку. Мыши прогрызли пакет с крупой.

Друзилла вздохнула.

— Раз так, принеси мне кошелек.

Мисси сбегала за кошельком, и Друзилла, выудив из его тощей утробы шестипенсовик, буркнула:

— Только бери развесную, а не ту, что в коробке! Ни к чему переплачивать за упаковку.

— Но, мама, овсянка в коробке намного вкуснее, к тому же ее не нужно варить всю ночь. — В душе Мисси затеплилась слабая надежда. — По правде говоря, я с радостью обойдусь

вовсе без каши, тогда разница в цене будет незаметна.

Друзилла всегда говорила себе и сестре, что живет в ожидании дня, когда ее боязливая дочь попробует взбунтоваться, но робкая попытка Мисси отстоять свою независимость встретила резкий отпор. Бедняжка лишь наткнулась на стену, которую, сама того не ведая, возвела ее властная мать.

— Обойдешься без овсянки? — потрясенно всплеснула руками Друзилла. — Ну нет, ни в коем случае! Зимой овсяная каша — основа всего, к тому же она гораздо дешевле угля для печи. — Затем тон ее смягчился, и она заговорила более дружелюбно, почти как с равной: — Как там сегодня на улице?

Мисси вышла в холл, взглянула на термометр и крикнула:

— Сорок два градуса!¹

— Тогда мы поужинаем на кухне и проведем вечер там! — прокричала в ответ Друзилла и со свежими силами задала трепку Баху.

Облачившись во все коричневое: габардиновое пальто и пушистый шарф, вязаный капор и шерстяные перчатки, Мисси вышла из дому и быстро зашагала к воротам по аккуратной дорожке, посыпанной битым кирпичом. В ее

¹ По Фаренгейту, что соответствует 5,5° С. — *Здесь и далее примеч. пер.*

небольшой хозяйственной сумке лежала библиотечная книга. Возможность заглянуть тайком в библиотеку выдавалась нечасто, но Мисси знала: если поспешить, никто и не узнает, что, отправившись за овсянкой, она заходила не только в лавку дяди Максвелла. В тот вечер ее тетя Ливилла сама обслуживала читателей, значит, вместо романа можно было получить лишь что-нибудь назидательное, но Мисси считала, что любая книга лучше, чем вовсе никакой. Зато в следующий понедельник на месте тети Ливиллы будет Юна, и тогда удастся взять роман.

В воздухе висел густой влажный туман, вернее — промозглая изморось, изгородь из бирючины вокруг дома под названием «Миссолонги» блестела от крупных дождевых капель. Едва ступив на Гордон-роуд, Мисси тотчас пустилась бежать, но на углу перешла на быстрый шаг, потому что в левом боку опять закололо, вдобавок пуще прежнего.

Когда боль немного отпустила, девушка продолжила путь, хоть уже и не так быстро, в приподнятом настроении, как бывало всегда в те редкие минуты, когда выпадала счастливая возможность улизнуть в одиночку за пределы Миссолонги. Как только боль исчезла совсем, Мисси опять ускорила шаг и принялась разглядывать знакомые улицы и дома, окутанные ту-

манными предвечерними сумерками короткого зимнего дня.

В городке Байроне все названия были как-то связаны с жизнью поэта, включая дом ее матери, Миссолонги: так назывался город, где безвременно скончался известный поэт¹. Причудливые наименования городским улицам и постройкам было дано по прихоти прадеда Мисси, первого сэра Уильяма Херлингфорда, который основал городок сразу вслед за тем, как прочитал «Паломничество Чайльд Гарольда». Несказанно довольный, что нашел наконец великое литературное произведение, которое смог осилить, он принялся вколачивать в голову каждому, кого знал, невообразимую мешанину из всевозможных сведений о Байроне. Так, усадьба Миссолонги располагалась на Гордон-роуд, которая перетекала в Ноэл-стрит², а та переходила в главную улицу, Байрон-стрит. В лучшей части города Джордж-стрит петляла несколько миль, после чего круто сбегала вниз, в широкую долину Джеймисон. Был здесь даже крохотный глухой тупичок под названием Каро-

¹ Старинное название греческого города Месолонгион, где в 1824 г. скончался английский поэт-романтик Джордж Ноэл Гордон Байрон (р. 1788). Устаревшее написание — Миссолонги.

² Теща Байрона Джудит Ноэл, леди Милбенк, завещала поэту половину своего состояния при условии, что он будет носить ее фамилию. В 1822 г. королевским патентом лорду Байрону было даровано это право.

лина-Лэм-плейс¹, расположенный, разумеется, как и Миссолонги, на отшибе, в стороне от железнодорожной ветки. Там стояли три дома, где обитала горсточка крайне вульгарных распутных женщин, которых навещали путейцы из депо, находившегося на выезде из городка, а также рабочие большого завода минеральных вод, что уродовал вид южной окраины.

Наиболее загадочные и любопытные грани непостижимого характера первого сэра Уильяма ярко высвечивает тот факт, что на смертном одре он строго запретил своим здравствующим потомкам вмешиваться в естественный порядок природы и менять назначение скандально известного тупика, названного в честь леди Каролины, на котором издавна лежала мрачная тень, и не только из-за развесистых каштанов. В действительности сэр Уильям, как сам объяснял, скрупулезно придерживался «стройной системы имен и названий». Своим дочерям он дал латинские имена, распространенные в высших слоях общества. Его отпрыски поддержали традицию, и так на свет появились Юлии, Аврелии, Антонии и Августы. Лишь одна из семейных ветвей попыталась усовершенствовать сложившийся обычай, и с рождением пятого сына мальчишков стали называть римскими числами,

¹ Леди Каролина Лэм, урожд. Понсонби (1785–1828), британская аристократка и писательница, состоявшая в любовной связи с лордом Байроном в 1812 г.

благодаря чему фамильное древо Херлингфордов украсилось именами Квинт, Секст, Септим, Октавий и Ноний. Деций умер вскоре после рождения, что никого не удивило.

Какая красота! Мисси остановилась полюбоваться огромной паутиной, унизанной, словно бисером, капельками тумана, чьи тончайшие дрожащие нити плавали над невидимой долиной в дальнем конце Гордон-роуд. В центре паутины сидела большая лоснящаяся паучиха, а к ней стыдливо жался очередной крошечный кавалер, но Мисси не почувствовала ни страха, ни отвращения — одну лишь зависть. Это отважное счастливое создание не только безраздельно царствовало в собственном мире, но и гордо несло древнее знамя суффражистки. Маленькая королева властвовала над супругом и вдобавок съедала его, когда тот исполнял свое предназначение — отдавал семя во имя потомства. Ах, счастливая, счастливая леди-паучиха! Разружьте ее мир, и она безмятежно примется восстанавливать его первоначальный облик, пока не соткет новую ажурную сеть, такую же изящную и воздушную, как прежняя, ибо недолговечность ее творения никогда не имела значения. А затем вновь потянется нескончаемая череда консортов, словно переходящие праздники, что кочуют в календаре с одного дня на другой. Она выстроит их строго по рангу в своем королевстве: умеренно крупный самец, муж на текущий